

Эрнст Юнгер и "Новые правые"

Ален де Бенуа

перевод с французского Андрея Игнатьева

Новым правым, очевидно, не было необходимости рассказывать французам о том, кто такой **Эрнст Юнгер**. Когда НП появились в конце 60-х годов, автор «Мраморных утесов» был уже хорошо знаком французской публике. Юнгера не просто знали, но в ту пору он без сомнения был самым известным и самым читаемым немецким писателем по эту сторону от Рейна. Эта ситуация, которая не переставала удивлять немцев, объясняется многими причинами. Прежде всего, Юнгера начали относительно рано переводить: его основные произведения, посвященные первой мировой войне, появились в начале тридцатых годов, и они сразу принесли ему известность (1). Но прежде всего Франция в жизненном пути Юнгера и его духовном развитии и формировании как писателя сыграла первостепенную роль. Со времен своего побега в юности в Иностраннный легион, со времен ужасного окопного опыта, Франция не переставала занимать в жизни Юнгера значительное место, о чем свидетельствуют также многочисленные связи, которые он поддерживал с французами, его чтение **Барреса** и **Леона Бло**, а также его собственные переводы **Максима Риваро** или текстов **Ги де Мопассана** и **Поля Леото**. Наконец, Юнгеру всегда везло во Франции с очень талантливыми переводчиками, начиная от **Анри Тома** и **Анри Пляра** и заканчивая **Жюльеном Гервье** и **Франсуа Понсе**, с достаточной степенью чувствовавших его стиль и его идеи, чтобы передать с точностью все нюансы.

«Я думаю, - писал Юнгер в 1973 году, - что французы умеют оценить то, когда немец представляет себя таким, каким он есть, вместо того, чтобы любой ценой выдавать себя за того, кем он не является» (2).

Эта известность, однако, была достигнута ценой определенной двусмысленности. Французами, по крайней мере до 1975 года, Эрнст Юнгер воспринимался как фигура, принадлежащая исключительно миру литературы. Конечно, был хорошо известен политический и исторический фон его творчества, но в нем не видели активного участника событий тех времен, и из периода его пребывания в Париже во время Оккупации запомнились прежде всего его знакомства в писательской среде (**Жан Кокто**, **Поль Моран**, **Пьер Дриес ля Рошель**, **Саша Гитри**, **Жан Жироду**, **Анри Монтерлян**, **Жан Шлюмберге** и т.д.), которые завязались большей частью в салоне Флоранс Гуль. Разве сам Юнгер не описал Париж как «великий книжный город»? (3) Политические тексты, относящиеся ко времени его молодости, полностью игнорировались, по крайней мере широкой публикой. Имена **Франца Шаувекера**, **Уго Фишера**, **Эрнста Никиша**, **Фридриха Хильшера**, также как и **Карла Шмитта**, были также незнакомы. Короче, Юнгер рассматривался только как писатель и никто другой. Добавим, что сам Юнгер не только был очень доволен этой ситуацией, но и сам способствовал этому, так как еще в прежние времена ответил отказом на предложение издать во Франции перевод его великой книги, увидевшей свет в 1932 году, «Рабочего».

Между тем, именно на его непереуведенных книгах, вокруг которых было нечто вроде

мифической ауры, сконцентрировался достаточно живой интерес новых правых. В начале шестидесятых годов из творчества Юнгера я сам знал только те книги, что уже вышли на французском. Хотя я, конечно, читал его рассказы о первой мировой войне, но, в противоположность некоторым из моих друзей, они почти не произвели на меня впечатления, по причине, без сомнения, отсутствия у меня интереса к тому, что связано с войной! «На мраморных утесах» (Auf den Marmor klippen) и «Африканские игры» (Afrikanische Spiele) вызвали у меня больший интерес, точно также как «Гелиополь» и особенно «Трактат повстанца» или «Бегство через лес» (Der Waldgang). «Мировое государство» (Der Weltstaat) меня, напротив, скорее оттолкнуло.

Открытием «другого Юнгера» я, очевидно, обязан моему другу **Армину Мелеру**. Его справочник по Консервативной революции, который я пытался разобрать со своими несколько скудными начальными познаниями немецкого, которые у меня тогда были, стал для меня откровением. В этом широком движении с его многочисленными ответвлениями я никоим образом не видел течение мысли, которое якобы проложило дорогу национал-социализму, как иногда о нем говорили, но, напротив, движение, представляющее альтернативу, чье развитие и лучшая структурная организация могли бы, может быть, избавить мир от ужасов гитлеризма.

Армин Мелер во время своих бесед со мной часто рассказывал мне об Юнгере, чьим личным секретарем, как известно, он был в течение нескольких лет после войны и к которому на основе его собственного опыта он питал достаточно двусмысленные чувства. В то время как я находил самым интересным в политическом и интеллектуальном отношении младоконсервативное движение, он не скрывал, что предпочитает течение национал-революционеров. Я был более сдержан, чем он, в отношении ценности, присущей понятиям «нация» и «движение», но идея революции меня бесспорно привлекала. Благодаря Мелеру я открыл для себя, что Юнгер сотрудничал с изданиями, ориентированными на «новых националистов» или бундиш, такими как «Арминиус», «Ди Штандарте» или «Ди Комменден», что он является автором «Рабочего» и «Тотальной мобилизации», и что он был связан с «национал-большевиком» Эрнстом Никишем. Я также познакомился с рисунками **Пауля Вебера**, которые произвели на меня большое впечатление. Все это сегодня хорошо известно, но в то время для меня это было абсолютно новым.

Я старался поделиться моими открытиями с моим окружением. Все время я вновь возвращался к этому справочнику по Консервативной революции, обещая самому себе, что настанет день, когда можно будет опубликовать перевод (4). Первым результатом этих усилий было переиздание в форме небольшой брошюры заботами Группы Изучения и Исследования Европейской Цивилизации, главной организации тех, кого еще не называли «новыми правыми», одного из редких, посвященных «Рабочему» текстов, что уже вышли во Франции: **Марсель Декомби**. Эрнст Юнгер и «Консервативная революция». Анализ «Рабочего» (ГРЕСЕ, Париж, 1973). Принадлежит перу уже умершего германиста, этот текст был снабжен краткой библиографией и оригинальным предисловием, составленным Армином Мелером. В этом предисловии Меллер представлял труд Юнгера как «одну из редких великих книг этого века» и также как «эратический валун» в составе его творчества и называл его выход в свет в 1932 году «экстраординарным событием». Говоря о «Рабочем» и о первой версии «Сердца искателя приключений» (Das Abenteuerliche

Herz), он позднее скажет: «Даже сегодня мои руки дрожат, когда я прикасаюсь к этим книгам».

В своем предисловии Мелер три раза повторил, что «Рабочий» это «не поддающаяся переводу книга». Однако его перевод был закончен в 1989 году Жюльеном Гервье, причем это не вызвало полемики, чего некоторое время опасался Юнгер.

В это время я еще не был лично знаком с писателем. Однако 15 мая 1977 года, когда я принимал участие в международном книжном фестивале в Ницце, одновременно по поручению журнала «Фигаро» и издательства «Коперник», у которого там был стенд (я приехал, чтобы получить Большую премию Французской Академии за мою книгу «Взгляд справа»), мне послышалось, что кто-то окликнул меня по имени. Я обернулся и увидел человека среднего роста, очень стройного, седовласого, который был одет в вельветовую куртку и тонкий свитер с завернутым воротником, но которого я совсем не узнал. «Добрый день, - сказал он мне, - я Эрнст Юнгер». Я потерял дар речи. В этот день мы говорили затем больше часа. Были сделаны фотографии и остались замечательные и прекрасные воспоминания.

Между тем, спустя ровно десять лет после публикации Марселя Декомби я собрал о «политическом» периоде молодого Юнгера достаточно важные материалы, чтобы написать в свою очередь, очерк, посвященный «Рабочему». Первая его версия была опубликована в конце 1981 года в журнале «Элеман», а вторая, намного более объемная, двумя годами позднее в журнале «Нувель эколь» (8). Эта вторая, за которой последовал перевод статьи Эрнста Никиша, вышедшей в октябре 1932 года в «Видерштанд», была на деле настоящей монографией, которая была затем переведена в Испании, а после и в Италии, где вышла в форме книги (9). Я старался не только представить в ней основные идеи, содержащиеся в книге Юнгера, и проследить эволюцию автора в двадцатых и тридцатых годах, определяя достаточное количество вех в истории движения национал-революционеров, а также показать, как «проблематика Рабочего» не переставала появляться вновь в последующих текстах Юнгера в очевидно различных формах, а именно в эволюции его взглядов на технику, которая проходила под влиянием его брата Фридриха Георга Юнгера. Я представил книгу как необходимую для понимания переходной эпохи, определяемой как «междоцарствие» между царством титанов и царством богов. Я также много раз ссылался на идеи Карла Шмитта и на философию **Мартина Хайдеггера**, которые в ту пору я освоил.

29 марта 1985 года, в девяностолетний юбилей писателя, я послал ему телеграмму сразу же после публичного собрания, в котором я принимал участие в Сен-Этьене. Он поблагодарил меня в коротком написанном от руки письме, к которому прилагалось фото. Десять лет спустя, 25 марта 1995 года, я адресовал ему письмо, в котором были только эти слова: «Спасибо за то, что вы живы». Чтобы отпраздновать его столетний юбилей, Клуб Тысячи (ассоциация спонсоров новых правых) устроил 21 июня в Париже вечер в его честь.

В 1996 году я решил посвятить целый номер «Нувель эколь» Юнгеру. Вводная статья, чьим автором я был, начиналась словами: «Двадцатый век это век, в который Нобелевская премия не была присуждена Эрнсту Юнгеру. Это выражение не хуже другого подходит, чтобы дать ему определение». Номер содержал беседу с Юнгером, записанную его

испанским переводчиком **Андре Санчесом Паскуалем**, очерки Армина Мелера, **Герда-Клауса Кальтенбруннера**, **Вернера Бройнингера**, **Сержа Манжина**, **Пьера Вангена** и **Маркуса Бекмана**, а также переводы играющих роль документального материала текстов **Фридриха Хильшера**, **Альбрехта Эриха Гюнтера**, **Эрнста Никиша** и **Фридриха Зибурга**.

В то время казалось, что Юнгер стал бессмертным! В конце 1997 года я опубликовал библиографию его творчества у достаточно мужественного (или не осознающего то, что он делает) издателя, чтобы отдать должное этому жанру, который по определению может вызвать интерес только у достаточно ограниченных кругов публики (10). Эта библиография, которой я не был целиком доволен, должна была бы иметь второе издание, в значительной степени дополненное, над которым я работал в течение многих лет, но которое я, в конце концов, отказался публиковать, когда **Николай Ридель**, достойный наследник **Ганса Петера** и **Хорста Мюляйзена**, опубликовал составленную им библиографию в 2003 году (11) (с этого времени мои библиографические изыскания были посвящены работам Карла Шмитта!). В первой части я проследил крупные этапы жизни Юнгера. В начале 1997 года я написал: «Когда ему исполнится 103 года, я продолжу писать». Увы! Несколько позже, 17 февраля 1998 года, он ушел от нас. Я тотчас же воздал ему почести в радиопередаче 7 марта на Радио-Куртуази.

С этого времени Юнгер стал как ни в какие другие времена предметом исследований. 7 ноября 1995 года я уже принимал участие в посвященном Юнгеру коллоквиуме в университете La Sapienza в Риме, проводившемся под названием «Due volte la cometa» (намек на то, что писатель имел возможность увидеть дважды в своей жизни пролетающую комету Галлея). Я также был участником большого коллоквиума, посвященного Эрнсту Юнгеру, который проходил в Милане между 20 и 24 октября 2000 года, на котором мне выпала возможность познакомиться с **Николаем Риделем** накануне концерта **Рикардо Мутти** в Ла Скала. По окончании «паломничества» по Chemin des Dames в Лаоне 8 ноября 1998 года я присутствовал на коллоквиуме на тему «Юнгер и первая мировая война», в котором также принимали участие **Даниэль Бельтран-Видаль**, **Франсуа Понсе**, **Изабель Розе**, **Оливье Обертин**, **Мануэла Алессии** и некоторые другие.

Мое восхищение Юнгером — одновременно самим человеком и его творчеством — никогда не ослабевало. Но может быть немного смещался центр внимания. Когда мне было тридцать лет, я был в восторге от «первого» Юнгера, то есть Юнгера двадцатых-тридцатых годов. Со временем и, следовательно, с возрастом, я без сомнения стал в большей степени воспринимать «второго» - Анарха еще больше, чем Повстанца, «находящегося вне времени» мыслителя, который, поднявшись выше, мог также видеть намного дальше.

Но я хотел еще к этому добавить об одном своем очень личном воспоминании. 6 февраля 1993 года, приглашенный участвовать в дискуссии в Берлине, я получил неприятный сюрприз: на меня физически напали и даже осыпали ударами юные воинствующие «автономы», сторонники архаичного «антифашизма», которые даже не знали, что на эту дискуссию я пришел, чтобы высказаться против ксенофобии! После того как я вернулся в Париж, после проведенной в криминальной полиции ночи, в течение которой я просматривал фотороботы, чтобы определить нападавших на меня, мне позвонил по телефону Армин Мелер. Он хотел мне сказать, что Юнгер, который уже узнал о

происшествии, тотчас же справился о том, в каком состоянии я нахожусь. Этот его поступок меня очень тронул.

Эрнст Юнгер не был, вероятно, одним из наиболее часто цитируемых французскими новыми правыми авторов, но, несомненно, как это можно увидеть, он многое значил для них.

Сегодня нет более нужды «дополнять» образ Юнгера, как его представляют себе французы, с чего я и начал. Различные аспекты его творчества с тех пор стали хорошо известны. Как Шмитт и Хайдеггер, или еще **Мирча Элиаде**, Юнгер, конечно, время от времени становится объектом критики в форме доносов. Они проистекают от сектантски мыслящих людей, которые не только ошибаются временем, но занимаются Юнгером только для того, чтобы придти к выводам, аналогичным предрассудкам, которые у них были и до этого. Сторонники подобного подхода остаются в незначительном меньшинстве. Конечно, ссылку на Юнгера по-прежнему относительно редко можно встретить у модных интеллектуалов: это в Италию необходимо в наши дни ехать, чтобы увидеть, как интеллектуалы, придерживающиеся любых убеждений, как правых, так и левых, постоянно цитируют Юнгера (точно также как они постоянно цитируют выше упомянутых Шмитта и Хайдеггера). Но читатели автора, написавшего «Оймесвиль» и «Тонкую охоту» (Subtile Jagden) остаются чрезвычайно многочисленными.

Практически все книги Юнгера сейчас переведены во Франции у самых крупных издателей, и большинство из них постоянно переиздавались «Излучения» (Strahlungen) должны выйти на днях у Галлимара в престижной серии «Плеяды» с имеющим важное значение критическим аппаратом, составленным **Жюльеном Гервье**, которому мы обязаны также сборником бесед с Юнгером (13). Университетские исследования координировались Центром исследования и документации Эрнста Юнгера, возглавлявшимся Даниэль Бельтран-Видал, которая публикует с декабря 1996 года ежегодные выпуски дневника Эрнста Юнгера (14). Однако то, что до сих пор не хватает, это полного перевода написанных им в молодости статей на политические темы (они недавно вышли в Италии в трех томах) и переписки (здорово было бы прежде всего увидеть изданной его переписку с Шмиттом, Хайдеггером, Хильшером, **Готфридом Бенном** и **Герхардом Небелем**), а также крупной «подводящей черту» биографии, сравнимой с той, что Хаймо Швильк недавно опубликовал в Германии.

Это также весьма любопытно, что ни одна из книг **Фридриха Георга Юнгера** никогда не была полностью переведена на французский. Учитывая его многочисленные связи в издательском мире, мне кажется, что Эрнсту Юнгеру не составило бы труда сделать так, чтобы несколько работ его брата вышли во Франции. Это только ошибка с моей стороны, что я этим никогда не занимался. Я часто спрашивал себя, почему.

Эрнсту Юнгеру сегодня бы исполнилось сто десять лет. «Безмолвные революции являются самыми результативными», - сказал он. Будем читать его книги в тишине.

Примечания

(1) Orages d'acier. Souvenirs du front de France (= In Stahlgewittern), Payot, Paris 1930 ; Le boqueteau 125. Chronique des combats des tranchées 1918 (= Das Wäldchen 125), Payot, Paris 1932 ; La guerre notre mère (= Der Kampf als inneres Erlebnis), Albin Michel, Paris 1934.

(2) « Jünger s'explique », entretien recueilli par Jean-Louis de Rambures, in Le Monde, Paris, 22 février 1973.

(3) Journal parisien (Pariser Tagebuch), 16 juillet 1942.

(4) Это было сделано несколькими годами позже в серии «Консервативная революция», изданием которой я руководил в течение нескольких лет: Armin Mohler, La Révolution Conservatrice en Allemagne 1918-1932, Pardès, Puiseaux 1993. Этот перевод, включающий все дополнения из самых недавних немецких изданий, содержал кроме того важную подборку фото и сравнительный обзор всех публикаций, посвященных во Франции Консервативной революции. Это единственное полное издание книги Мелера, вышедшее за границей.

(5) Выражение «новые правые» первоначально не использовалось как самоназвание. Оно было изобретено в 1979 году для обозначения идеологического течения, к тому времени уже существовавшего более десяти лет. Именно по этой причине, осознавая все двусмысленности, которыми оно обременено, я его лично использую как можно реже.

(6) Le Travailleur, Christian Bourgois, Paris 1989.

(7) « La Figure du Travailleur. Réflexions sur un livre méconnu d'Ernst Jünger », in Eléments, Paris, 40, hiver 1981-82, pp. 13-19.

(8) « Ernst Jünger : la Figure du travailleur entre les Dieux et les Titans », in Nouvelle Ecole, Paris, 40, septembre-novembre 1983, pp. 11-61.

(9) Alain de Benoist, Ernst Jünger y El Trabajador. Una trayectoria vital e intelectual entre los Dioses y los Titanes, Barbarroja, Madrid 1995 ; L'Operaio fra gli Dei e i Titani. Ernst Jünger

« sismografo » dell'era della tecnica, ASEFI-Terziaria, Milano 2000.

(10) Alain de Benoist, Ernst Jünger. Une bio-bibliographie, Guy Trédaniel, Paris 1997.

(11) Nicolai Riedel, Ernst Jünger-Bibliographie. Wissenschaftliche und essayistische Beiträge zu seinem Werk (1928-2002), J.B. Metzler, Stuttgart 2003. . Следует отметить, что Николай Ридель регулярно публикует обновления своей библиографии в Les Carnets Ernst Juenger.

(12) Я их в некоторых случаях узнал, но не стал об этом говорить, так как не сотрудничаю с полицией.

(13) Julien Hervier, Entretiens avec Ernst Jünger, Gallimard, Paris 1986. Я их в некоторых случаях узнал, но не стал об этом говорить, так как не сотрудничаю с полицией.

(14) CERDEJ : 1 ter, rue Carnot, F-05000 Gap.